

—

С той ночи Сяо Шань свалил все дела на Цзун Цина. По его собственным словам, он не умеет расследовать дела, поэтому, естественно, Цзун Цин должен был бегать по поручениям.

Он ждал, пока Цзун Цин всё выяснит и доложит ему о результатах.

Цзун Цин также понимал, что Сяо Шань не хочет слишком сильно вмешиваться в эти дела.

Результат, который требовался императору, должен был быть получен из его уст, а чрезмерное вмешательство Сяо Шаня могло привести к неприятностям.

Сяо Шань прекрасно понимал, что пока Цзун Цин оставался чистым и преданным чиновником, он неизбежно должен был правдиво доложить о делах в Лянчжоу, и влияние инцидента с Лю Цзинсюанем на наследного принца было очень незначительным.

Цзун Цин чувствовал, что он всё больше не может понять Сяо Шаня. Из общения за последние несколько дней было видно, что Сяо Шань на самом деле не был глуп, наоборот, он был умён, просто не следовал правильному пути.

Его методы были слишком радикальными, он не хотел идти ни на какие уступки и был из тех, кто довольствовался тем, что имеет, не слишком стремясь к власти, положению, красавицам и прочему.

Даже он, чистый и верный подданный, ясно видел и понимал: родившись в императорской семье, будучи принцем, каждый будет стремиться к месту под задницей императора, но Сяо Шань — нет. Помимо хороших отношений с наследным принцем, он никогда не заводил знакомств с влиятельными чиновниками, его отношения с семьей матери были обычными, и он вёл себя самовольно и безрассудно. Учёные не любили его, а кто из стоящих при дворе не прочёл несколько книг? Это также означало, что Сяо Шань не нравился придворным.

Однако, если подумать, это, возможно, был умный выбор.

Император ценил наследного принца. Пока наследный принц успешно восходит на престол, Сяо Шань станет самым любимым и самым доверенным князем нового императора. Тогда время его успеха будет намного дольше, чем время борьбы, которая не обязательно приведёт к успеху.

Возможно, умные люди — это как раз такие, как Сяо Шань, у которых не слишком много желаний.

Хотя император часто говорил, что Сяо Шань глуп и необразован, он доверял Сяо Шаню и был к нему наиболее терпим. За эти годы, кроме Сяо Шаня, Цзун Цин не слышал и не видел, чтобы кто-либо ещё осмеливался так бунтовать и вести себя так своевольно перед императором.

Цзун Цин думал об этом, затем покачал головой и беззвучно усмехнулся. В данный момент у него самого была куча дел, а он тут вдруг стал беспокоиться о чужих. Непонятно, зачем он об этом переживает.

—

По мнению Сяо Шаня, Цзун Цин должен был сообщить ему, когда все дела будут улажены.

Ведь он знал, что Цзун Цин именно такой человек.

В это время он мог полностью расслабиться и прогуляться с Се Чжуем. Помимо всех этих неприятностей, Лянчжоу всё же было местом с довольно интересными обычаями, и здесь было много мест, где можно было погулять.

Идея Сяо Шаня была прекрасна, но Цзун Цин действовал нестандартно.

Как только в его деле появлялся хоть малейший прогресс, он тут же спешил доложить Сяо Шаню.

Сначала Сяо Шань убеждал его по-доброму, говоря, что в этом нет совершенно никакой необходимости.

Но Цзун Цин праведно отказался от его добрых намерений, ещё и высокопарно заявив: «Император повелел мне и Вашему Высочеству совместно расследовать дело. Даже если князь не расследует, он всё равно несёт ответственность за надзор. Ваш подчинённый не смеет действовать самовольно».

Сяо Шань невольно подумал, не видит ли Цзун Цин, что он слишком бездельничает, и из-за этого чувствует несправедливость, поэтому намеренно так поступает. Затем он подумал, что репутация Цзун Цина как чистого и верного подданного очень хороша, и он вряд ли станет делать такие ребяческие вещи.

Просто чёткое разделение обязанностей, а Цзун Цин умудрялся так всё усложнять, что в этом не было никакой необходимости.

Особенно после того, как он узнал о планах Сяо Шаня, Цзун Цин прямо заявил: «Вашему Высочеству не следует сейчас выходить из дома. Сейчас главы нескольких крупных торговых семей задержаны, и хотя это произошло не без причины, снаружи всё ещё очень неспокойно. Вашему Высочеству и Ван Цзюню всё ещё рискованно выходить, лучше подождать, пока всё

уляжется, тогда и выходить будет не поздно».

Эти слова Цзун Цин сказал не только ему, но и Се Чжую.

Се Чжуй считал, что он может обеспечить безопасность Сяо Шаня, но всё же ощущал определённый риск, и у него пропало желание гулять по Лянчжоу.

Се Чжуй упорно отказывался выходить, и Сяо Шань не мог его заставить, тем более не мог выйти один, оставив его.

Поэтому повседневная жизнь Сяо Шаня пополнилась прослушиванием отчётов Цзун Цина.

Сегодня он слушал, как тот допрашивал Лю Цзинсюаня, завтра — как допрашивал торговцев, а потом — как допрашивал тех красавиц.

В общем, Цзун Цин каждый день был очень занят.

Что касается Лю Цзинсюаня, то тут и говорить нечего, допрос шёл быстро и точно.

Те торговцы были старыми и хитрыми лисами. Такие вещи, как чрезмерное ношение одежды, были у всех на виду, и они это признали. Другие же обвинения, например, в сговоре с чиновниками для ведения дел в их интересах, они напрочь отрицали, не признавали и обвинения в убийстве. Более того, они договорились, что Лю Цзинсюань сам вымогал у них взятки, и что именно Лю Цзинсюань, опасаясь разоблачения, совершал убийства. А как именно убивал, они не знали.

В общем, по словам этих торговцев, Лю Цзинсюань был коррумпированным чиновником, и у них были доказательства, сколько серебра он присвоил.

Из-за этого Цзун Цин несколько дней не мог добиться значительного прогресса в расследовании.

Применялись и пытки, но те люди упорно всё отрицали, сваливая всю вину на Лю Цзинсюаня. Они были невиновны, а их сговор с чиновниками был результатом принуждения со стороны Лю Цзинсюаня.

Они были обычными торговцами, как они могли противостоять чиновникам?

В тот день Цзун Цин снова доложил Сяо Шаню, что прогресса нет. Он по отдельности содержал нескольких торговцев и допрашивал их поодиночке, даже ложно заявлял, что кто-то признался, но не мог заставить их заговорить.

Сяо Шань, видя Цзун Цина в глубокой задумчивости, без тени беспокойства на лице, не мог не спросить: «Господин Цзун, если они не признаются, есть ли у вас другие способы заставить их признаться?»

Цзун Цин поспешно сказал: «Ваш подчинённый уже допросил Лю Саня. Показания Лю Саня мало чем отличаются от показаний Лю Цзинсюаня, к тому же они выявили некоторые проблемы в нескольких уездах, подчинённых Лянчжоу. Ваш подчинённый, используя показания Лю Саня, допросит тех проблемных уездных магистратов, а затем применит к ним высшую меру наказания. Думаю, тогда кто-нибудь признается».

«Не боитесь трудностей? Вы собираетесь остаться в Лянчжоу на полгода-год?» — Сяо Шань не удержался от ворчания. Он совсем не хотел оставаться здесь и хотел поскорее вернуться в столицу. Затем он, нахмурившись, продолжил: «Господин Цзун, я думаю, раз отсюда вы не можете выбить из них показания, то возьмите людей и обыщите их дома».

Цзун Цин опешил, ему показалось, что тот немного раздражен. Почему расследование превратилось в обыск?

Сяо Шань продолжал: «Они все носят одежду, превышающую их статус, поэтому я подозреваю, что в их домах что-то нечисто, и наличие запрещённых вещей вполне разумно».

Произнеся это, он холодно усмехнулся: «Даже члены одной семьи, живущие под одной крышей, могут замышлять друг против друга, не говоря уже о четырёх семьях. Брак по расчёту порождает не только выгоду, но и конфликты; когда наступает беда, каждый спасает свою шкуру. После обыска их домов, выберите того, кто совершил наименьшее преступление и чья вина наименьшая, пусть он увидит свою семью, пусть подумает о будущем потомков. Я не поверю, что они не заговорят».

Цзун Цин: «...»

Он держал четырёх человек отдельно, имея в виду также их разобщение. Теперь, глядя на радикальные методы Сяо Шаня, он подумал, что они, возможно, окажутся более эффективными.

«Если проблемы в нижестоящих уездах, то вырывайте редьку с корнем, это гораздо проще. А что касается этих председателей торговой палаты, вроде Чжао и Вана, то и в их семьях не обязательно все единодушны, и не все такие бессердечные, как они. Нужно тщательнее проверить младшее поколение, жён и наложниц из задних дворов, их содержанок и людей из мест развлечений, связанных с ними. Всегда найдутся те, кто их не выносит, или те, кто питает к ним вражду, или те, кто хочет вырваться из-под их контроля. Разделение их изнутри гораздо лучше, чем позволять им держаться вместе».

Цзун Цин замер. Его расследования всегда были довольно прямолинейными: он проверял тех, кто вызывал подозрения, и упорно продолжал расследование, пока не докапывался до истины, хотя это и занимало много времени. Теперь, слушая Сяо Шаня, который говорил о таких не

совсем честных методах, он почувствовал, что его многолетние убеждения подверглись сильному удару.

Сяо Шань не обращал внимания на то, пострадала ли его душа, сейчас он больше всего хотел, чтобы Цзун Цин поскорее во всём разобрался.

Высказав свои мысли, Сяо Шань отправил его прочь. В последующие дни Цзун Цин наконец-то перестал его беспокоить.

После бурных нескольких дней, наконец, глава семьи Юэ заговорил первым.

Когда он пошёл на этот шаг, остальные, как бы ни ругались, не могли ему помешать, и получить показания от них стало очень легко.

Отношения между этими людьми были, как и сказал Сяо Шань, очень хрупкими. Когда нить, называемая интересом, порвалась, каждый думал о том, как сохранить свою семью.

Долгое время заброшенная дамба казалась крепкой снаружи, но стоило появиться небольшой трещине, из которой просочилась вода, как обрушение происходило мгновенно.

Цзун Цин обнаружил много чего: как эта группа людей вовлекала чиновников в свои дела, как они их контролировали и как связывали свои интересы.

Методы, которые они использовали, были не более чем угождением вкусам.

Тем, кто любил красавиц, они посылали красавиц. У них было много красивых девушек и красивых герцов, которых обучали поэзии, песням и даже манерам, чтобы они могли быть и понимающими спутниками, и кокетливыми, и жалостливыми.

Таких красавиц они не трогали, а отправляли их тем знатным особам.

Тем, кто хотел славы, они давали славу. Их сеть связей была глубокой. Они выполняли несколько поручений для таких чиновников, заставляя их чувствовать, что дела легко решаются, и тем самым вызывая у них чувство зависимости.

Что касается тех, кто стремился к репутации честных и неподкупных, то их восхваляли, и благодарность народа всегда направлена к ним, а начальство слышало только самые трудные слова. Тех, кто любил стихи и парные куплеты, сопровождали талантливые люди. Они даже умудрялись добывать стихи и картины четвёртого принца Сяо И, этого талантливого принца, для таких учёных.

Деньги, красавицы, репутация — всегда найдётся что-то, что может тронуть человека. Как

только сердце тронуто, дальше общаться становится легче.

Они не боялись таких людей, как Лю Цзинсюань, потому что он был достаточно лицемерен, и его слабости были слишком очевидны.

Поэтому вначале отказ Лю Цзинсюаня для них был совершенно безразличным, и они даже за спиной заключали пари, когда Лю Цзинсюань сломается.

Единственное, чего они не учли, так это сердца Лю Цзинсюаня: оно было чёрным, но с небольшим красным пятнышком, и это небольшое красное пятнышко одним махом свергло их всех.

Когда дерево падает, обезьяны разбегаются. Эти торговцы быстро назвали имена чиновников, с которыми они сговаривались.

Цзун Цин читал с замиранием сердца. Из всех уездов Лянчжоу, кроме нескольких самых бедных, почти никто не избежал нападок этих людей, и даже чиновники из других провинций были замешаны.

Можно сказать, что имена большинства чиновников Цзяннани фигурировали в этом деле.

Сколько проблем.

Если этот доклад будет подан, то чиновникам Цзяннани неминуемо предстоит массовая перестановка. Вместе с теми злоупотреблявшими торговцами, зловоние в Лянчжоу, вероятно, не исчезнет в течение многих лет, и у новых чиновников, которые приедут на службу, останется страх.

Страх — это хорошо, потому что, когда есть страх, действия не будут чрезмерными, и тогда можно будет знать, как правильно пользоваться своей властью.

Сяо Шань выглядел безразличным. В этом мире, где есть белое, есть и чёрное, где есть тьма, есть и свет.

Причина порождает следствие, рано или поздно никто не избежит этого.

Работа по завершению дел в Лянчжоу была завершена, и Сяо Шань сказал Цзун Цину, что они отправляются обратно в столицу.

На этот раз они ехали по суше. С водным путём у Сяо Шаня в этой жизни судьба не сложилась.

В день их отъезда они сопровождали множество преступных чиновников, колонна растянулась на очень большое расстояние, зрелище было впечатляющим. Многие простые люди вышли на улицы, чтобы проводить их.

На самом деле, многие из них даже не знали, как выглядят Сяо Шань и Цзун Цин.

Но они знали, что благодаря императорскому посланнику Лянчжоу изменился.

Сяо Шань и Се Чжуй сидели в карете, когда порыв ветра случайно приподнял занавеску, и они увидели Цзинь Гуя в толпе.

Цзинь Гуй стоял там, глядя на движущуюся карету и свиту, и его взгляд вдруг стал решительным.

Многие вещи в этом мире нельзя понять, основываясь только на слухах, самое главное — увидеть результат своими глазами.

Он когда-то думал, что в этом мире нет справедливости, и все чиновники похожи на Лю Цзинсюаня.

Он когда-то думал, что даже Сяо Шань, будучи принцем, является всего лишь одним из этих злодеев, но он ошибался.

В этом мире всё ещё есть честные люди и честные чиновники.

Перед тем как большинство покинули Лянчжоу, Сяо Шань попросил человека передать Цзун Цину сообщение.

Вскоре Цзун Цин вышел из кареты и сказал жителям Лянчжоу, что император мудр, и они должны благодарить императора.

Когда жители города радостно преклонили колени, восклицая о мудрости императора, все медленно удалились.

—